

Подводя итоги рассуждениям об изменениях семантико-синтаксических внутри- и межфразовых связей в процессе перевода, следует констатировать, что изменений содержательно-концептуальной информации (СКИ) они не несут, что же касается содержательно-фактуальной информации (СФИ), то изменяется дозировка и организация ее подачи. Наибольшие смещения претерпевает содержательно-подтекстовая информация (СПИ) – эксплицируются имплицитные связи, создаются новые, изымаются имеющиеся.

Помимо информативных изменений, трансформации связей между отдельными предложениями и их частями полностью изменяют членение текста на СФЕ, чему способствуют и лексические (номинативно-прономинально и номинативно-адвербиальные) замены. Результатом указанного перераспределения связей является, в большинстве своем, усиление текстовой когезии, которое можно рассматривать как синтаксическую компенсацию ее ослабления на лексическом уровне, связанного с уменьшением роли сквозных лексических повторов, синонимизацией высокочастотных слов и прочими последствиями несовпадения семантических структур исходных и переводных лексем.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). – М., 1990. – 388 с.
2. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. Сб. статей / Под ред. А. Д. Швейцера. – М., 1988. – С. 34-39.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – 544 с.
4. Золотова Г. А. О роли семантики в актуальном членении предложения // Вопросы истории языка и современного состояния. – М.: Высшая школа, 1998. – С. 142-162.
5. Ильин Б. А. Об актуальном членении предложения // Вопросы английского и немецкого языков. – Вологда: Волог. пед. ин-т, 1989. – С. 12-28.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
7. Москальская С. И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 478 с.
8. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев: КГУ, 1984. – 347 с.
9. Слюсарева Н. А. Гиперсинтаксический уровень языка в лингвистическом членении текста // Предложение и текст в семантическом аспекте. – Калинин: КГУ, 1993. – С. 93-111.
10. Тюленев С. В. Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
11. (ET) – Fowles J. The Ebony Tower. – London: Granada publishing, 1974. – 115 p.
Фаулз Дж. Башня из черного дерева // ИЛ, 1979. – № 3. – С. 115-185. Перевод с англ. К. Чугунова.
12. (IH) – London J. The Iron Heel. – Moscow, 1948. – 237 p.
(II) – Лондон Дж. Железная пята // Собр. соч. – Т. 6. – 1961. – С. 93-331. Перевод Р. Гальпериной.
(P) – Лондон Дж. Железная пята. – М.: Л., 1930. – 299 с. Перевод Е. Гуро.
13. (MS) – Maugham S. The Moon and Sixpence. – Moscow: Progress Publishers, 1972. – 222 p.
(II) – Мюэм С. Луна и грош. – Л.: Худож. лит-ра, 1970. – 190 с. Перевод с англ. Н. Ман
(P) – Мюэм В.С. Луна и шестипенсовик. – Л., 1928. – 263 с. Перевод с англ. З. А. Вершининой.

Кирилова Е. А.

«ПОРТРЕТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА», ОТРАЖЕННАЯ В МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЕ СЛОЖНОГО СЛОВА

Язык одновременно является и средством общения людей и орудием постижения знаний о мире. В языке отражаются наиболее существенные представления человека об окружающих его предметах и о самом себе. Поэтому одной из актуальных задач современной лингвистики является изучение разноуровневых средств экспликации языковой картины мира. Обычно исследования в этом направлении ориентированы на анализ лексики и словообразования русских говоров. В нашей работе будут рассмотрены явления морфемной структуры диалектных слов. Объектом анализа в данном исследовании служат сложные слова, зафиксированные картотекой «Словаря вологодских говоров». Изучение сочетаемости корневых морфем данной группы слов позволяет акцентировать внимание на том, какие качества человека оказываются существенными с точки зрения носителей севернорусских диалектов.

Часть диалектных слов-композиций, характеризующих человека, обращает внимание на его лицо: *бел- и руд-* (*белорудый* 'белолицый' [СВГ, 1, с. 28]); *б) кур- и нос-* (*куроносый* 'курносый' *Уж не худа' де'ука, куроносая, белолицая.* [СВГ, 4, с. 23]); *в) мил- и гляд-* (*милзгля'дненький* 'милый, симпатичный' [СВГ, 4, с. 85]). Особый интерес представляет сочетание таких корневых морфем, как *бел-* и *руд-*. В «Словаре редких и забытых слов» В. П. Сомова зафиксировано слово *руда* в значении *кровь* [Сомов, 1996, с. 394]. Н. М. Шанский и Т. А. Боброва считают родственными слову *руда* слова *рдеть, рыжий, коричневый, красный, ржавый*: «Руда. Общеслав. Производное (с перегласовкой) от той же основы, что *ржавый, рыжий, рдеть*, латышск. *gauds* «рыжий, красный, коричневый», лат. *guber* «красный» и т.д. Руда первонач. – «красная (земля)», железняк, медная руда» [Шанский, Боброва, 1994, с. 277]. Следовательно, обратившись к этимологии слова *руда*, можно отметить, что слову *белорудый* синонимичен фразеологический оборот *кровь с молоком*. «Выражение из русского фольклора, где соединились народные представления о красоте цвета: красного как кровь и белого как молоко. На Руси издавна признаком красоты считались белое лицо и румянец на щеках, что было свидетельством хорошего здоровья» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1999, с. 317]. Человек, обладающий физическими достоинствами, красивым лицом, не может быть лишен также таких качеств, как хорошее зрение, слух, осязание, обоняние. Такие качества, например, выражены морфемами *вид-* и *глаз-* (*видоглазый* 'имеющий хорошее зрение' [СВГ, 1, с. 71]).

Наряду с хорошим телосложением ценилась выносливость, противостояние всевозможным лишениям, трудностям, а для этого нужно было быть физически крепким, что выражается при сочетании корней *дв-* и *жи-* (*двоежильный* 'крепкий физически, выносливый' [СВГ, 2, с. 9]). Если человек обладает физической выносливостью, то, как правило, он отличается высокой продолжительностью жизни: *долговеткий* 'отличающийся долголетием, долговечный' [СВГ, 2, с. 39].

Внешним физическим достоинствам противопоставляются различные недостатки и уродства, выраженные сочетанием следующих корневых морфем: а) *разн-* и *ног-* (*разноногий* 'кривоногий' [СВГ, 9, с. 21]); б) *долг-* и

ляг- (*долголягий* '1. Имеющий большую длину, длинный. 2. Длинноногий' [СВГ, 2: 39]); в) *плиц-* и *нос-* (*плицконосый* с приплюснутым носом (о человеке' [СВГ, 7, с. 69]); г) *мал-* и *зем-* (*малозем* 'человек маленького роста' [СВГ, 4, с. 70]). Некоторые физические недостатки не только внешне не украшают человека, но вызывают дискомфорт при выполнении того или иного дела, особенно, если это недостатки зрения или слуха: а) *кур-* и *слеп-* (*курслепый* 'близорукий' [СВГ, 4, с. 23]; *слепокурый* 'близорукий' [СВГ, 10, с. 45]); б) *слеп-* и *дыр-* (*слеподырый* 'слепой' [СВГ, 10, с. 45]); в) *слеп-* и *шар-* (*слепошарый* 'слепой, лишенный зрения' [СВГ, 10, с. 45]); г) *пах-* и *рук-* (*пахорукый* '1. Больной, слабый, дефектный (о руке). 2. Лишенный одной или обеих рук или пальцев на руках. 3. Неловкий, неумелый в работе, такой, у которого все валится из рук' [СВГ, 7, с. 19]); д) *розн-* и *чуж-* (*розночуватый* 'плохо слышащий, тугоухий' [СВГ, 9, с. 64]).

Наряду с внешними физическими достоинствами следует рассмотреть достоинства внутреннего, духовного мира человека, так как физическая красота, в отличие от внешнего уродства, без красоты внутренней не представляет никакой ценности, скорее вызывает негативные эмоции по отношению к данному человеку. Не зря в сложных словах, зафиксированных картотекой «Словаря вологодских говоров» склонность к обману и стремление к правде также соотносится с духовным миром человека, выраженным корнем *душ-* (*душа*): *правдивая душа* (*праведушный* 'любящий правду, правдивый, честный' [СВГ, 8, с. 32]); *мотать душой* синонимично *кривить душой* (*мотодушный* 'нечестный, склонный к обману' [СВГ, 5, с. 7]). Следует отметить, что в сознании русского народа душа является важной субстанцией, что отмечает также И. А. Ильин: «Душа как средоточие важнейших вопросов сердца для русского общения имеет совершенно особое значение. Если хотя бы похвалить сердечно милого человека, о нем говорят: «душа-человек», о человеке открытым говорят: «душа нараспахку» [Ильин, 6, 2, с. 400].

Часто сочетаемость корней сложного слова дает не только положительную характеристику физического и духовного состояния человека, но выражает также дурные наклонности характера. Например, корни *высок-* и *нос-*, *высок-* и *род-* выражают эгоизм и высокомерие по отношению к другим людям: *высоконосный*, *высокородный* 'гордый, высокомерный, считающий себя лучше других' [СВГ, 1, с. 99-100].

Сочетаемость морфем *один-* и *день-* определяет негативное отношение к людям, живущим одним днем, не делающих съестных припасов: *одновыденка* 'расточительная, небережливая, живущая одним днем женщина' *У меняс снохаста – ой, одновыденка! Килограмм колбасы съест, на завтра не оставит. Уж одновыденки, дак одновыденки и есть! Все одним днем съедите, уж запаку-то никогда нет. Пухние-то люди никогда ведь все не съедят.* [СВГ, 6, с. 32]; *одновыденный* 'расточительный, небрежный, живущий одним днем' [СВГ, 6, с. 32]. К людям, не задумывающимся о будущем, живущим одним днем и не беспокоящимся о завтрашнем дне, можно применить в данном случае выражение, часто употребляющееся в разговорной речи: «Дальше своего носа не видят».

Анализируя сочетаемость корневых морфем сложного слова, можно выделить оппозицию: *приветливый*, *общительный – замкнутый, необщительный*, что подчеркивается сочетанием морфем а) *ласк-* и *бай-* (*ласкобай* 'приветливый, обходительный человек' [СВГ, 4, с. 32]); б) *гладк-* и *слов-* (*гладксловоый* 'доброжелательный, мягкий в обращении' [СВГ, 1, с. 111]); в) *словоохотный* 'словоохотливый, разговорчивый' [СВГ, 10, с. 51]; г) *кук-* и *мож-* (*кукомоья* 'необщительный, замкнутый человек' [СВГ, 4, с. 15]).

Следующая подгруппа сложных слов выражает корневыми морфемами умственную ограниченность человека: а) *пол-* и *бел-* (*полубелая* и *полубелый* 'неумный, глупый, неразумный' [СВГ, 7, с. 144]); б) *прост-* и *пех-* (*простопеха* 'малосообразительный, глуповатый человек' [СВГ, 8, с. 96]); в) *скуд-* и *ум-* (*скудоумый* 'умственно ограниченный, неумный' [СВГ, 10, с. 36]); г) *пуст-* и *раг-* (*пусторага* 'бестолковый, забывчивый человек' [СВГ, 8, с. 112]); д) *дур-* и *лом-* (*дуралом* 'глупый человек, дурак' [СВГ, 2, с. 65]); е) *пол-* и *дур-* (*полудурак* 'глуповатый, придурковатый человек' [СВГ, 7, с. 145]). Следует заметить, что все эти слова синонимичны слову *дурак* и посредством данного слова зачастую «выделяют не столько определенную группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов» [Маслова 2006, с. 71].

Наряду со сложными словами, выражающими умственную ограниченность, можно выделить близкие по семантике слова, заключающие в корневых морфемах легкомысленность, несерьезное отношение к жизни. Легкомысленность в данной группе слов прежде всего справедливо выражается корнем *пуст-*, который имеет здесь значение *ничего не значащий, не представляющий интереса*: а) *пуст-* и *волос-* (*пустоволосый* 'несерьезный, легкомысленный' [СВГ, 8, с. 109]); б) *пуст-* и *смех-/смеш-* (*пустосмех* 'несерьезный, смеющийся по любому поводу человек' [СВГ, 8: 110]); *пустосмешный* 'легкомысленный, несерьезный' [СВГ, 8, с. 110]; в) *пуст-* и *бяк-* (*пустебяка* и *пустобяка* 'ветренная, легкомысленная женщина' [СВГ, 8, с. 109]); г) *рот-* и *пел-/пер-* (*ротопеля* и *ротоперя* 'рассеянный, невнимательный, беспечный человек' [СВГ, 9, с. 64]); д) *сем-* и *сел-* (*семиселка* '1. Непоседливая, подвижная девочка, женщина. 2. Легкомысленная, непостоянная, ветренная девушка, женщина. 3. Женщина, часто меняющая решения, намерения, не выполняющая обещаний' [СВГ, 9, с. 120]).

Безделье и бродяжничество маркируется в сложных словах сочетанием следующих морфем: а) *бала-* и *мыг-* (*баламыга* 'бездельник, лентяй, праздношатающийся' [СВГ, 1, с. 20]); б) *бала-* и *вес-* (*баловес* 'шатун' [СВГ, 1: 20]); в) *зим-* и *гор-* (*зимогор* 'бродяга, босяк, живущий случайной работой, ленивый человек' [СВГ, 2, с. 171-172]). В данных примерах интерес представляет элемент *бала-*. «Этимологический словарь славянских языков» представляет данный элемент в словах *балагурить*, *баламут* и излагает разные точки зрения относительно этимологии элемента *бала-*: 1) в слове *баламутить* «первый компонент сближается с др.-инд. *balala* 'молодой, детский'» [ЭССЯ, I, с. 146]; 2) другая точка зрения связывает компонент *бала-* с лат. *fal-lere* 'обманывать'» [ЭССЯ, I, с. 146]; 3) наиболее распространенная точка зрения представляет *бала-* как элемент от звукоподражательной основы, «родственной др.-инд. *balbala*» [ЭССЯ, I, с. 145]. Для бездельника, не приносящего никакой пользы обществу и живущего за счет других, то есть «пустую», справедливо сочетание корневых морфем *пуст-* и *корм-* *пустокорм* 'человек, живущий за чужой счет, тунаец' [СВГ, 8, с. 110].

К сложным словам, дающим характеристику человека, следует отнести и те слова, которые отражают манеру говорить. В данной группе есть необходимость выделить несколько подгрупп: 1) сочетаемость корневых морфем *крут-* и *бай-* определяет манеру говорить быстро (*крутоба'й* '1. Человек, который быстро, часто говорит. 2. Разговорчивый человек, говорун' [СВГ, 4, с. 6]); 2) при сочетаемости таких корней как *редк-* и *бай-* определяется манера говорить медленно (*редкоба'йка* '1. Женщина, которая говорит медленно, неторопливо. 2. Женщина, которая говорит нараспев, растягивая слова' [СВГ, 9, с. 47]). 3) некоторые слова отражают манеру вести пустые и бесполезные разговоры: *поболтако'суть* 'поговорить, поболтать' [СВГ, 7, с. 74], *набалаго'лить* 'сообщить, наговорить много чего-либо, наболтать' [СВГ, 5, с. 18].

Оттенок сочувствия выражается в сложном слове, когда дается характеристика бедного или попавшего в беду человека: а) *бед-* и *лаг-/лаж-* (*бедола'га* 'несчастный, попавший в беду человек' [СВГ, 1: 27], *бедола'жный* 'несчастный' [СВГ, 1: 27]); б) *бог-* и *рад-* *богора'дный* 'немогущий, убогий' [СВГ, 1: 34]. Не случайно диалектному слову *богора'дный* синонимично в литературном языке *нищий* или *убогий*. «Убогий. Общеслав. Местоим. ф. прилаг. *убогъ* произв. (у = не) от *богъ* «богатство», ср. ст.-сл. *небог* «бедный». Исходно – «лишенный богатства» [Шанский, Боброва, 1994, с. 331].

Некоторые сложные слова позволяют судить о способах ведения хозяйства, а отсюда происходят и слова, дающие характеристику человеку: а) *одн-* и *лич-* (*одноли'чник* 'единоличник' *Да' но'не все не одноли'чники, а все обихи'ственники*. [СВГ, 6: 34]); б) *един-* и *лич-* *единоли'чка* 'во время единоличного ведения хозяйства' *В одноли'чке по-ра'зному жи'ли: хто и бедня'е, а хто и богаты'е*. [СВГ, 2, с. 71]); в) *одн-* и *кобыл-* (*однокобы'льник* 'крестьянин, имеющий в единоличном хозяйстве одну лошадь' *Ра'ньше-то в дере'вне мно'гие име'ли мно'го скоти'ны, однокобы'льников-то ма'ло бы'ло*. [СВГ, 6: 33]); г) *одн-* и *коров-* (*однокоро'вник* 'крестьянин, в единоличном хозяйстве которого была одна корова' *Однокоро'вники-то у на'с – три и хозя'йства бы'ло ма'ло. Коро'в мно'го держа'ли*. [СВГ, 6, с. 33]).

Таким образом, морфемная структура сложного слова доказывает, что наиболее ценные качества, определяющие характеристику человека, выявляются как во внешней, так и во внутренней стороне жизни, при этом стоит заметить, что наибольшую ценность представляет чистота духовного мира человека. Стоит также отметить, что при анализе морфемной структуры именно сложного слова наиболее ярко прослеживается тесная взаимосвязь между жизнью общества и лексическим запасом языка, так как в отличие от простого слова сложное представляет собой своеобразный «микротекст».

Литература

1. Бирих, Мокиенко, Степанова, 1999 – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. М. Словарь русской этимологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1999.
2. Ильин, 1996 – Ильин И. А. Собрание сочинений. Т. 6., кн. 2. – М., 1996.
3. Маслова, 2006 – Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2006.
4. СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1-11. – Вологда, 1983-2006.
5. Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. – М., 1996.
6. ЭСРЯ – Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М., 1994.
7. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. I-XXXII. – М., 1974-1999.

Клипатская Ю. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК СРЕДСТВО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ УКРАИНСКОГО ПОЛИТИКУМА

В силу разных экстралингвистических факторов языковые системы находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и взаимовлияния. Языковые контакты всегда интересовали ученых и на современном этапе развития науки в разных аспектах являются объектом исследования многих лингвистов. Лексическая система русского языка в последние десятилетия наиболее интенсивно пополняется заимствованиями из английского языка в сфере экономики, рекламы, музыки, спорта, информационных технологий и др.

Область политики как никакая другая испытывает большой наплыв иноязычной лексики. Политический дискурс (далее ПД) взаимодействует с другими видами дискурсов, что обусловлено интеграционным характером политической деятельности, и поэтому, именно в политических текстах мы наблюдаем одновременное использование экономических, юридических, спортивных терминов, а также лексики шоу-бизнеса, музыкального, информационного и др. типов дискурса [2, с. 240-242]. Такое обилие заимствованных слов, не характерное ранее для ПД советского времени, вызвано трансформацией политической системы, сменой коммуникативных парадигм и во многом связано «с преодолением запрета, характерного для традиционного, закрытого для внешних влияний, советского общества, на все иностранное» [3]. Изменение лексической наполненности ПД рассматривается в работах А. Н. Баранова, А. Д. Васильева, О. И. Воробьевой, М. Л. Макарова, Г. Г. Почепцова, А. П. Чудинова и др.

ПД интерпретируется в СМИ, которые выступают посредником между политическими деятелями и обществом, так как возможности прямой коммуникации политиков с населением ограничены. Материалом для нашей работы послужили русскоязычные тексты масс-медиа, в которых разносторонне освещаются все составляющие украинской политики.

Исследователи, ставя в центр внимания современный ПД, изучают разные аспекты его перестройки: степень развития политического диалога (Баранов А. Н.), изменение концептосферы (Гаврилова М. В., Петров К. Е.), роль политической метафоры (Чудинов А.П., Караулов Ю. Н.), механизмы и способы речевой манипуляции (Гронская Н. Э., Михалева О. Л., Никитина К.В., Пирогова Ю. К., Репина Е. А.), избирательные технологии (Почепцов Г. Г.) и мн. др.

Вопрос, почему именно в конце XX – начале XXI вв. в ПД частотность употребления иноязычной лексики, состав которой активно пополняется с каждым днем, настолько увеличилась, остается открытым. В настоящей статье мы попытаемся дать на него ответ, задавшись целью исследовать роль современных